

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ и НАУЧНЫХ
ЗНАНИЙ

ПРОФЕССОР

М. П. БАСКИН

**ШАРЛЬ ЛУИ МОНТЕСКЬЕ—
ВЫДАЮЩИЙСЯ ФРАНЦУЗСКИЙ
МЫСЛИТЕЛЬ XVIII ВЕКА**

Серия II
№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва—1955

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Профессор
М. П. БАСКИН

ШАРЛЬ ЛУИ МОНТЕСКЬЕ —
ВЫДАЮЩИЙСЯ ФРАНЦУЗСКИЙ
МЫСЛИТЕЛЬ XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1955

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

Монтескье — ранний идейный предшественник буржуазной революции	
Борьба Монтескье против феодально-абсолютистских порядков . .	
Критика религии	13
Взгляды Монтескье на общество и законы его развития	14
Идеи мира и дружбы между народами в произведениях Монтескье	21

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Издательство «Знание» Всесоюзного общества
по распространению политических и научных
знаний просит присылать отзывы об этой брошюре
по адресу: Москва, Новая площадь, д. 3/4.

Монтескье — ранний идейный предшественник буржуазной революции

По постановлению Всемирного Совета Мира передовые люди всех стран отмечают в 1955 году 200-летнюю годовщину со дня смерти великого французского мыслителя Шарля Луи Монтескье.

Имя Монтескье дорого не только французскому народу, верным сыном которого он являлся, но и всему прогрессивному человечеству, как имя человека, который в тяжелых условиях феодально-абсолютистского строя во Франции выступал за национальную честь и независимость своей родины. Монтескье был одним из ранних идейных предшественников французской буржуазной революции конца XVIII столетия. Его идеи до сих пор помогают патриотам, отстаивающим дело мира и демократии.

Произведения Монтескье высоко ценили прогрессивные общественные деятели России. В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев отметил, что Монтескье стоит в одном ряду с наиболее выдающимися представителями европейской науки. О всемирно-историческом значении Монтескье неоднократно высказывался А. С. Пушкин. Труды Монтескье были переведены на русский язык еще в XVIII веке.

Глубоко ценят Монтескье, как и всех других прогрессивных представителей мировой культуры, советские люди. В 1936 году в СССР были переизданы «Персидские письма» Монтескье, завоевавшие большую популярность среди советских читателей.

Монтескье жил в тот период, когда в недрах феодализма усиленно пробивали себе дорогу капиталистические производственные отношения. В различных районах Франции возникали крупные капиталистические мануфактуры, на которых работали сотни, а иногда и тысячи рабочих. Так, на севере Франции возникла огромная мануфактура по выработке тонких сукон, на которой работало свыше 6 500 наемных рабочих. Под Парижем, в Сен-Море, действовало крупное мануфактурное пред-

приятие, вырабатывавшее золототканную материю. Шелковая мануфактура Лиона имела 13 тысяч станков. Усиленно развивалась внутренняя и внешняя торговля.

Однако, несмотря на рост буржуазной экономики, класс феодалов, стоявший у власти во Франции, всячески препятствовал установлению капиталистических производственных отношений. Накануне буржуазной революции во Франции насчитывалось 24 миллиона жителей, из них к духовенству и дворянству принадлежало только 450 тысяч человек. Эта ничтожная кучка людей осуществляла кровавую диктатуру над французским народом. Крепостные крестьяне, работавшие в основном на церковных землях, изнемогали от непосильного труда. Немногим лучше жили и так называемые свободные крестьяне, которые обязаны были платить оброк своим сеньорам. Кроме того, во Франции имелись крестьяне-арендаторы, получавшие землю у помещиков и платившие за нее натурой большую часть урожая. Тяжелым было положение ремесленников, рабочих, городской бедноты, которые подвергались двойному гнету — со стороны молодой буржуазии и со стороны феодально-абсолютистской власти.

Феодально-крепостнические путы ощущала на себе и французская буржуазия. Феодально-абсолютистская власть вмешивалась в производство и торговлю, налагала на буржуазию повышенные налоги, душила свободную конкуренцию. Феодально-крепостнические отношения в деревне снижали покупательную способность крестьянства, а следовательно, тормозили развитие внутреннего рынка.

Утопающий в роскоши, оторванный от народа французский королевский двор полностью себя дискредитировал в глазах большинства населения Франции.

Первоначально французская буржуазия добивалась проведения буржуазных реформ при сохранении старого строя. Она требовала отмены сословных привилегий, снижения налогов, изменения судебной системы. Однако дальнейший ход исторического развития привел Францию к буржуазной революции.

Французская буржуазная революция 1789—1794 годов была исторической необходимостью. Она нанесла смертельный удар старому режиму не только во Франции, но и поколебала феодальные устои в других странах Европы.

Заслуга Монтескье в том, что он задолго до французской буржуазной революции (родился он в 1689 году, т. е. за 100 лет до революции, а умер в 1755 году, т. е. за 34 года до революции) идейно подготавливал почву для крушения старых порядков. Отражая ранний, «умеренный» этап в истории борьбы французской буржуазии против феодализма, Монтескье непосредственно не звал к насильственному свержению прогнившего режима, но он бесспорно содействовал своими передовыми идеями его свержению в будущем.

Монтескье был сыном знатного провинциального дворянина, земельные владения которого находились возле города Бордо. В десятилетнем возрасте Монтескье был отдан учиться в так называемую Ораторию, где познакомился с древнегреческими и древнеримскими писателями и, по его собственному заявлению, проникся уважением к античному «свободолюбию».

По наследству от своего знатного дяди Монтескье занимал ряд судебных должностей. Юридическая практика лишний раз показала Монтескье несостоятельность абсолютистского режима, и он решил посвятить себя научной, философской и литературной деятельности, стать борцом за народное просвещение. «Я счел бы себя счастливейшим из смертных, если бы мог излечить людей от предрассудков»¹, — восклицал он.

В 1726 году Монтескье отказался от государственных должностей, а спустя два года отправился путешествовать по Европе. Он побывал в Англии, Германии, Италии, Голландии, Венгрии и других странах и вернулся на родину обогащенный новыми знаниями.

Монтескье был одним из тех, кто рано почувствовал несовместимость интересов Франции с господством светских и духовных феодалов. Несмотря на принадлежность к привилегированному сословию, он стал на сторону третьего сословия и поставил своей задачей идейную борьбу с феодальной реакцией.

Монтескье не делал непосредственных революционных выводов из своей критики феодализма. Он был далек, как и другие французские буржуазные просветители, от понимания решающей роли народных масс в истории. В ряде случаев Монтескье видел все спасение в ограничении власти короля, в создании во Франции конституционной монархии «по английскому образцу». Но все же историческая ограниченность Монтескье не помешала ему стать одним из ранних борцов за гражданские права, за просвещение, за миролюбивую политику, против несправедливых, династических войн, которые велись господствующими классами феодального общества.

Монтескье написал ряд произведений, в том числе «Персидские письма» (1721 г.), «Рассуждения о причинах величия и упадка римлян» (1734 г.) и «О духе законов» (1748 г.).

Из книг Монтескье следовал прямой политический вывод: если французский народ преисполнен любви к своей отчизне, он должен навсегда покончить с королевским деспотизмом и феодально-сословными отношениями. Если такого вывода Монтескье прямо и не делал, то именно так рассуждали революционно настроенные читатели его трудов. Книги Монтескье явились одним из идейных источников, подготовивших французскую буржуазную революцию.

---

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 2. 1900 г.

Борьба Монтескье против феодально-абсолютистских порядков

Главная заслуга Монтескье состоит в критике феодально-абсолютистских порядков во Франции и других западноевропейских государствах. Монтескье с особенной ненавистью относился к французскому королю и его двору, несмотря на то, что он сам, как знатный человек, был вхож в придворные круги.

Во времена Монтескье французский король обладал ничем не ограниченной деспотической властью. Рассматривая себя в качестве наместника бога, он чинил суд и расправу над представителями третьего сословия. Французский король единолично издавал законы. По его тайным приказам любой француз мог быть посажен в Бастилию — знаменитую тюрьму, где отбывали заключение виднейшие французские просветители и, в частности, дважды сидел гениальный французский писатель и философ Вольтер.

Король и его двор были паразитическим наростом на теле Франции. Живя в роскоши, король тратил огромные суммы на торжественные приемы и увеселения. Само собою понятно, что средства для этих трат королевская власть получала за счет жестокой эксплуатации крестьянских масс. Французский народ, кроме того, все время разорялся авантюристическими войнами, которые вел королевский двор.

Вот почему Монтескье особое внимание уделил разоблачению деспотической власти французских королей. В «Персидских письмах» он проводил мысль, что монархическая тирания во Франции превосходит тираническую власть восточных султанов и падишахов. Если персы беспрекословно подчиняются своему монарху, уверял Монтескье, то они это делают не задумываясь. Во Франции же люди подчиняют королевской власти даже свои мысли. Они сознательно служат своему деспоту, т. е. являются убежденными холопами короля. В результате французский король превращается в земного бога.

Вместе с подавляющей частью буржуазных идеологов своего времени Монтескье считал необходимым сохранить монархическую форму правления во главе с просвещенным монархом. Однако если монарх не выполняет своих функций и не служит народу, не содействует просвещению своих подданных, то народ вправе отказать такому монарху в повиновении. «...Если государь,— заявляет Монтескье в «Персидских письмах»,— вместо того, чтобы создать своим подданным счастливую жизнь, вздумает их угнетать или уничтожать, то повод к повиновению прекращается: их ничто больше не соединяет, ничто не привязывает к нему, и они возвращаются к своей естественной свободе»¹.

---

¹ Шарль Монтескье. Персидские письма, стр. 220.

И если сам Монтескье говорит о своей преданности французской монархии, а в предисловии к своей главной работе «О духе законов» даже зовет читателей «возлюбить своего государя», то приведенные нами мысли выдающегося французского просветителя имеют явно противоположный смысл. Монтескье звал к борьбе с деспотизмом монархов, нарушающих «естественные права человека».

Протестуя против династических войн, которые велись монархами во имя своих корыстных интересов, Монтескье прямо заявлял: «Было бы совсем несправедливо начинать войну из-за личных раздоров государей...»¹. Несколькими строками дальше Монтескье писал еще более конкретно: «Точно так же государь не может воевать из-за того, что ему отказали в подобающих ему почестях или отнеслись как-нибудь пренебрежительно к его послам, и тому подобное, так же как частное лицо не может убить того, кто отказывает ему в первенстве»².

Монтескье на ряде примеров доказывал, что деспотическая королевская власть превращает подданных в лакеев, в беспринципных людей, готовых во имя личных интересов предать свою родину, ее национальное достоинство. Монтескье иронически писал, что во Франции лакеи — самое влиятельное сословие. Королевский деспотизм, говорил Монтескье, калечит душу людей, порождает беспринципность и эгоизм. Феодальная монархия — не только враг нравственности, но и враг просвещения.

Придворные ученые, заявлял Монтескье, пишут не для того, чтобы познать законы природы и общественной жизни, а для того, чтобы угодить королю и его лакеям. Если ученые пишут правду, если они выступают за народ, их неизбежно ждет Бастилия. «В монархиях, слишком неограниченных, — утверждал Монтескье, — историки изменяют истине, погому что не имеют свободы высказать ее...»³.

В «Рассуждениях о причинах величия и упадка римлян» Монтескье причины величия Рима связывал с установлением республики, а причины упадка — с господством монархии.

Разумеется, Монтескье не в состоянии научно объяснить причины деспотизма. Он стоял на идеалистической точке зрения и объяснял решающие общественные события господствующими идеями и взглядами, забывая о том, что сами идеи и взгляды являются продуктом экономических отношений. Однако для XVIII века даже отвлеченная, ненаучная критика монархической власти и всего феодального режима, несомненно, играла огромную прогрессивную роль.

Критикуя абсолютизм, Монтескье уделял большое внимание критике реакционного законодательства. В деспотическом государстве, учил Монтескье, не может быть справедливых законов.

¹ Шарль Монтескье. Персидские письма, стр. 200.

² Там же, стр. 200—201.

³ Монтескье. О духе законов, стр. 323.

Вместо законов там действует произвол. «Принцип деспотического правления,— писал Монтескье,— страх...»¹.

Вместо того чтобы охранять государство, законы в условиях феодально-абсолютистской монархии охраняют только одного государя, вернее — охраняют дворец государя, его семью и ближайших сатрапов. Законы, издаваемые деспотической властью, существуют для того, чтобы потворствовать ничтожной кучке негодяев, присоавшихся к трону. Монтескье не жалел резких слов для разоблачения французского королевского правительства, королевского двора.

«Честолюбивая праздность,— писал он,— низкое высокомерие, желание обогащаться без труда, отвращение к правде, лесть, измена, вероломство, неисполнение всех своих обязанностей, презрение к долгу гражданина, страх, внушаемый добродетелью государя, надежда, возлагаемая на его пороки, и, что хуже всего этого, вечное издевательство над добродетелью — вот, полагаю я, черты характера большинства придворных, отмеченные всюду и во все времена. Но трудно допустить, чтобы низшие были честны там, где большинство высших лиц в государстве люди бесчестные, чтобы одни были мошенники, а другие довольствовались ролью обманываемых простаков»². Поэтому в деспотическом государстве право на деле есть не что иное, как бесправие, внешне облеченное в юридическую форму.

Монтескье противопоставлял этому бесправию государство, в котором все законы и установления охраняют жизнь и благополучие граждан.

Монтескье выступил идеологом буржуазии, которая в XVIII веке была прогрессивным классом, заинтересованным в развитии материальных производительных сил общества, в замене устаревшего феодального строя более передовым, капиталистическим строем. В наши дни, когда империалистическая буржуазия выбросила знамя буржуазно-демократических свобод за борт, свободолюбивые идеи ранних буржуазных мыслителей приобретают новый положительный смысл и помогают борьбе народов за мир и демократию.

Прогрессивное значение борьбы идеологов буржуазии за установление демократических свобод становится понятным в свете указания В. И. Ленина о том, что «буржуазная республика, парламент, всеобщее избирательное право — все это с точки зрения всемирного развития общества представляет громадный прогресс. Человечество шло к капитализму, и только капитализм, благодаря городской культуре, дал возможность угнетенному классу пролетариев осознать себя и создать то всемирное рабочее движение, те миллионы рабочих, организо-

---

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 64.

² Там же, стр. 29.

ванных по всему миру в партии, те социалистические партии, которые сознательно руководят борьбой масс. Без парламентаризма, без выборности это развитие рабочего класса было бы невозможно. Вот почему все это в глазах самых широких масс людей получило такое большое значение»¹.

Монтескье призывал к установлению парламентаризма, буржуазной законности, и эти призывы не могли не содействовать прогрессивному развитию общества, несмотря на их классово-ограниченный характер.

Монтескье открыто писал о разложении монархического строя. Как может не разлагаться монархический строй, говорил Монтескье, если монарх сводит все государство к своей столице, всю столицу — к своему двору, а весь двор — к своей собственной особе. Принцип монархии разлагается, ибо высшие должности в государстве занимаются недостойными людьми. Монтескье открыто заявлял, что королевские сановники лишены уважения народа и превращены в жалкое орудие произвола.

«Верноподданничеству» королевских холопов, для которых монарх выше отечества, Монтескье противопоставлял патриотизм. Он убедительно доказывал, что любовь к отечеству важнее вассальной преданности королю. «Принцип монархии разлагается,— смело заявлял Монтескье,— когда подлые души чванятся величием своего раболепия и думают, что, будучи всем обязаны своему государю, они освобождаются от всяких обязанностей пред своим отечеством»². Характерны рассуждения Монтескье о присяге. В них он явно намекал, что граждане присягают не монарху, а родине, присягают славе и благосостоянию своего отечества.

Высказывания Монтескье о патриотизме полностью разрушают легенду современных реакционных буржуазных историков о Монтескье как космополите. Монтескье на самом деле был решительным врагом космополитического равнодушия к благу своего отечества. Он гордился Францией, верил в ее светлое будущее и при этом строго разграничивал королевскую Францию от Франции третьего сословия. Все симпатии Монтескье были на стороне последней.

Наряду с критикой феодального государственного строя Монтескье подверг критике и сами феодальные отношения. Он пришел к очень важному выводу о несовместимости феодальной системы эксплуатации с развитием материальных производительных сил общества.

Во времена Монтескье, когда французскому королю нужно было отправиться на охоту, тысячи крестьян сгонялись, чтобы расчищать дорогу для проезда королевской свиты, сотни людей должны были в принудительном порядке шить для короля и

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 449.

² Монтескье. О духе законов, стр. 120.

его придворных охотничьи костюмы. «Париж,— замечает Монтескье,— может быть, самый чувственный город на свете, где больше всего утончают удовольствия, но в то же время в нем, может быть, живется тяжело. Чтобы один человек жил наслаждаясь, нужно, чтобы сотня других работала без отдыха. Какая-нибудь женщина вобьет себе в голову, что ей необходимо появиться на балу в определенном наряде, и с этого момента пятьдесят ремесленников перестанут спать, и у них не будет времени даже попить и поесть: она командует, и ей повинутся куда проворнее, чем даже нашему монарху...»¹.

Монтескье выступает как один из проводников меркантилизма — экономической теории, которая, по словам Маркса, представляла собой раннюю теоретическую разработку капиталистического способа производства. Подобно другим меркантилистам, Монтескье главное внимание уделял вопросам торговли, проблеме обращения, а не производства. По мнению Монтескье, источником прибыли является продажа товаров по более высокой цене. Отсюда главное внимание Монтескье уделял развитию внешней торговли. Если Франция, заявлял Монтескье, будет больше продавать товаров, чем покупать, то она превратится в самую богатую страну. «Истинная польза народа,— писал Монтескье,— требует, чтобы он, без важных причин, не устранил ни одного народа от торговли со своей страной...

Еще менее должно государство обязываться продавать свои товары лишь одному какому-нибудь народу, под тем предлогом, что он будет забирать их все по известной цене...»².

Подчеркивая значение международной торговли, Монтескье пришел к одному чрезвычайно важному выводу. В специальной главе, посвященной «торговому духу Англии», он отмечал, что вся политика Англии определялась в конечном счете интересами ее внешней торговли. «Другие нации жертвуют торговыми интересами,— говорил Монтескье,— интересам политическим; Англия же всегда жертвовала политическими интересами интересам своей торговли»³. К сожалению, Монтескье не сумел дальше развить это положение и целиком в духе идеализма ставил английскую историю в зависимость от тех или иных идей, господствующих в Англии.

Как ни ограничены были экономические идеи Монтескье, они были направлены против феодальной замкнутости, за развитие торговли и промышленности.

Особенно заслуживает внимания мысль Монтескье о том, что развитие международной торговли содействует установлению мира между государствами. «Естественное действие тор-

---

¹ Шарль Монтескье. Персидские письма, стр. 225—226.

² Монтескье. О духе законов, стр. 331.

³ Там же, стр. 330.

говли,— писал Монтескье,— склонять людей к миру. Между двумя торгующими друг с другом народами устанавливается взаимная зависимость: если одному выгодно покупать, то другому выгодно продавать, и все их связи основаны на взаимных нуждах»¹. Разоблачая феодальные порядки, Монтескье обвинял королевскую власть в том, что она, ведя династические войны, мешает развитию торговли, а следовательно, препятствует экономическому преуспеванию страны.

Монтескье уделял большое внимание и вопросам истории. Он основательно изучил не только историю древнего Рима и древней Греции, не только историю своего отечества, но и хорошо знал историю стран Востока. Особое внимание уделял Монтескье изучению истории петровской России. Он полностью поддерживал реформы Петра I. Монтескье писал об императоре Петре I как о новаторе, который «захотел все переменить»², а о противниках петровских реформ в России как о реакционерах, отстаивающих свое невежество. Деятельность Петра I Монтескье характеризует следующим образом: «Он стремится к тому, чтобы искусства процветали, и ничем не пренебрегает, чтобы прославить в Европе и Азии свой народ... Беспокойный и стремительный, он скитается по своим обширным владениям, всюду проявляя свою природную суровость.

Он покидает свою страну, как будто она тесна для него, и отправляется в Европу искать новых областей и новых царств»³.

Деятельность Петра I служит, по мысли Монтескье, аргументом в пользу просвещенной монархии. Но вместе с тем Монтескье видел во всемирной истории прежде всего доказательства преимуществ республиканского строя перед монархическим. Историю древней Греции он рассматривал как историю постепенного освобождения ее населения от монархической власти. Только в республике, заключал Монтескье, греческий народ обрел подлинную свободу и добился подъема хозяйства и своей культуры.

Выступая против революционного свержения французской монархии, Монтескье все же не мог не признать значения революционной борьбы. Он вынужден констатировать, что республиканский строй был установлен в древнем мире путем беспощадной борьбы с монархией. Вот подлинные слова Монтескье по этому поводу:

«Когда потоп опустошил Грецию, ее населили новые обитатели; почти все ее колонии вышли из Египта и ближайших азиатских областей, и так как странами этими управляли цари, то народы, вышедшие оттуда, управлялись таким же способом. Но когда тирания этих государей стала слишком тягостна,

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 325.

² Шарль Монтескье. Персидские письма, стр. 109.

³ Там же.

ярмо было сброшено, и из обломков стольких царств поднялись те республики, которые принесли такой расцвет Греции, единственной цивилизованной стране среди варваров.

Любовь к свободе, ненависть к царям надолго сохранили греческую независимость и далеко распространили республиканский образ правления»¹.

Монтескье подчеркивал, что республиканские традиции значительно распространены среди европейских народов. В частности, он указывал, что готы насильственно смещали своих королей, если последние вели неправильную политику.

Правда, Монтескье не распространял эти положения на Францию и даже высказывался за компромисс с королевской властью. Однако деятели французской буржуазной революции по-другому оценивали эти положения Монтескье и обосновывали при помощи их необходимость установления во Франции республиканского строя.

В «Письмах» Монтескье содержится мысль об огромных преимуществах республиканского режима. Монтескье открыто заявлял, что гражданское равенство содействует благосостоянию населения, в то время как деспотизм приводит к бедности и нищете подавляющей массы людей. Однако Монтескье не мог постичь, что благосостояние широчайших масс трудящихся невозможно ни при феодализме, ни при капитализме, что истинная свобода и благополучие народа возможны только с победой социалистических производственных отношений. Этот вывод был впервые научно сделан основоположниками марксизма, совершившими настоящий революционный переворот в науке об обществе. Монтескье был способен лишь на абстрактное понимание свободы и общественного благополучия народных масс.

В труде «О духе законов» Монтескье пытался ответить на вопрос, что такое свобода. Он выступал против волюнтаристов, утверждавших, будто человек может по своему произволу совершать любые действия, не считаясь ни с какими внешними условиями и обстоятельствами. «Свобода есть право делать все, что дозволено законами...»², — восклицал Монтескье.

Отсюда вытекает интересная мысль Монтескье о политической свободе. Он рассматривал политическую свободу как относительную категорию, которая имеет различный смысл в различных общественных условиях. Характерно заявление Монтескье, что аристократическое государство по самой своей природе исключает политическую свободу для граждан.

Определяя политический строй Турции, где все виды власти соединены в лице султана, Монтескье называл такой строй «ужасающим деспотизмом». Однако нетрудно догадаться, что

---

¹ Шарль Монтескье. Персидские письма, стр. 281.

² Монтескье. О духе законов, стр. 154.

ссылка на Турцию служит французскому просветителю лишь для отвода глаз: на самом деле он имеет в виду политический строй во Франции. Кстати сказать, излагая «различные мнения» по вопросу о политической свободе и не решаясь ни к одному из них открыто присоединиться, Монтескье замечал, что некоторые понимают под свободой возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью, а также право избирать тех, кому они должны повиноваться¹.

В этих заявлениях Монтескье деятели французской буржуазной революции находили идейную опору для борьбы за низложение тиранической власти французских королей.

Значительно слабее выглядит попытка Монтескье конкретно охарактеризовать «политически свободное государство». Здесь он не шел дальше английской конституционной монархии или буржуазных республик швейцарского типа. Монтескье утверждал, что достаточно провести строгое разделение властей — на законодательную, исполнительную и судебную, в частности, лишить монарха и его правительство права вмешиваться в дела судей, — и тогда все политические свободы станут достоянием граждан. Главную задачу законодательных органов Монтескье видел в издании законов, охраняющих частную собственность граждан на средства производства. Исполнительная власть должна, по мнению Монтескье, содействовать соблюдению законов в пользу частной собственности. Что касается судей, то последние должны наказывать всех тех, кто посягает на частную собственность. Таким образом, свобода человека была для Монтескье прежде всего свободой частной собственности.

Эта историческая ограниченность Монтескье не должна заслонять его огромных заслуг в борьбе против феодального бесправия и беззакония. Он был, как и все выдающиеся люди, прежде всего сыном своей эпохи, а эпоха Монтескье была началом идейной подготовки французской буржуазной революции.

Критика религии

Борьба идеологов молодой французской буржуазии против феодализма шла под знаком решительной критики религиозных традиций и предрассудков. Ведь при феодализме (как и при всяком другом антагонистическом строе) религия выполняла и выполняет важнейшую функцию идейного оправдания эксплуатации человека человеком. Особенно большую роль в западноевропейских странах играла и играет католическая церковь, являющаяся крупнейшим землевладельцем. В эпоху Монтескье доходы католической церкви во Франции достигали 1 200 миллионов ливров. Обладая огромным политическим

---

¹ См. Монтескье. О духе законов, стр. 53.

аппаратом, открыто вмешиваясь в дела государства, пользуясь правом преследовать «еретиков», т. е. людей, не согласных с господствующей религией, средневековая церковь подавляла любые антифеодальные выступления. Она сжигала на костре передовых деятелей науки, утверждала, что всякая власть от бога, и на этом основании защищала власть феодальных монархов. Маркс и Энгельс характеризовали средневековую католическую церковь как центр феодальной системы. Они писали, что католическая церковь окружила феодальный строй ореолом божественной благодати. Вот почему борьба против феодализма с неизбежностью требовала борьбы против католической церкви и религии вообще.

Монтескье не был атеистом. Он занимал в критике католической церкви значительно более умеренную позицию, чем Вольтер. Однако и Монтескье сыграл значительную роль в борьбе против идеологии католицизма. Он был одним из ранних представителей французского деизма, т. е. учения, которое хотя и признавало бога в качестве творца вселенной, но вместе с тем утверждало, что бог не вмешивается в дела природы.

Деисты выступали в защиту просвещения, отвергали церковную веру в чудеса. На позиции деизма стояли такие выдающиеся представители французского просветительства, как Вольтер и Руссо. К деизму явно склонялся и Монтескье.

В «Духе законов» Монтескье открыто пишет о боге как первопричине вселенной. «Бог относится к миру как создатель и охранитель...»¹, — заявлял он. Однако уже целиком в духе деизма Монтескье говорил, что даже бог не в состоянии изменить законов природы; действия бога обусловлены этими законами, и было бы нелепостью думать, что бог мог бы управлять миром, не считаясь с этими законами. Монтескье высказывал материалистическую мысль о том, что «непрерывное существование мира, образованного движением и лишённого разума, приводит к заключению, что все его движения должны совершаться по неизменным законам, и какой бы иной мир мы себе ни вообразили, вместо существующего, он, все равно, должен был бы или подчиняться неизменным правилам, или разрушиться»².

Как деист, Монтескье уверял, что законы природы все же созданы богом, но в дальнейшем природа в боге уже не нуждается и может спокойно существовать без своего творца. Как ни ограничены были эти взгляды Монтескье, все же для своего времени они были передовыми, ибо содействовали разоблачению идеологии католицизма.

Говоря о независимости природы от бога, Монтескье как истинный просветитель требовал тем самым освобождения

---

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 5.

² Там же, стр. 6.

науки от церковной опеки, т. е. выступал против главного лозунга средневековой католической церкви: «Наука — служанка теологии». Наука не должна быть служанкой теологии, утверждал Монтескье. Наука должна изучать природу и ее законы, а это к теологии, к вере в бога не может иметь никакого отношения. Наука не богу должна служить, а людям.

Монтескье смело выступил против церковных догматов, заявив, что «самые истинные и самые священные догматы могут иметь очень дурные последствия...»¹. С особой решительностью выступил Монтескье против религиозного учения о бессмертии души. Он считал, что вера в бессмертие приносит обществу большой вред, ибо она отвлекает людей от интереса к гражданским обязанностям. Люди, думающие о «том свете», мало заботятся о своей земной жизни, не думают об улучшении общественного строя.

Не отрицая религии, как таковой, Монтескье ограничивал ее значение чисто политическими функциями. Он видел в религии прежде всего орудие государственного управления. В своей книге «О духе законов», в главе «О религиях вообще» Монтескье открыто заявлял, что, когда он пишет о религии, он выступает не в качестве богослова, а прежде всего в качестве политического писателя. Его интересовали не догматы религии, как таковые, а прежде всего, насколько эти догматы «наиболее соответствуют целям общественного блага...»².

Ход рассуждений Монтескье по вопросу об общественной роли религии таков: сама по себе религия не в состоянии дать человеку правильного мировоззрения; подлинно передовой человек ориентируется не на религию, а на науку; однако в интересах буржуазии не уничтожать религию, как таковую, а лишь заменить феодальную религию буржуазной; религия должна служить третьему сословию, а не привилегированным сословиям феодального общества. Монтескье выступает, таким образом, как чисто буржуазный идеолог, мечтающий о закреплении при помощи религии на вечные времена капиталистической частной собственности.

Но отстаивая религию как средство управления, Монтескье немало потрудился над тем, чтобы поколебать господствующие догмы католицизма. В этом смысле просветительская деятельность Монтескье заслуживает самой положительной оценки. Монтескье осмелился выступить с требованием ограничения экономической мощи церкви. Он убедительно доказывал, что церковь не должна быть самым крупным землевладельцем, не должна своими чрезмерными поборами разрушать молодую торговлю и промышленность, а широкие массы крестьян превращать в батраков и бродяг.

---

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 454.

² Там же, стр. 441.

Особенный интерес представляют высказывания Монтескье о соотношении религии и морали. Монтескье решительно критиковал отдельные догмы религиозной морали. Он указывал, что христианская мораль поощряет пассивный, созерцательный подход к действительности, а это приносит экономический и политический вред обществу. Назначение людей, писал Монтескье, состоит в том, чтобы сохранять себя, питать и одевать, а также принимать участие в общественной деятельности.

Под этим углом зрения Монтескье говорит и о религиозных праздниках. Слишком большое количество религиозных праздников, доказывал он, мешает развитию народного хозяйства и, в частности, тормозит развитие сельского хозяйства. Монтескье выдвинул требование, чтобы в городах число праздников строго сообразовалось бы с интересами торговли. Свое общее отношение к религиозным праздникам Монтескье формулировал следующим образом: «Когда религия предписывает прекращение работы, она должна иметь в виду потребности людей более, чем величие чтимого ею существа»¹.

Как и все ранние просветители, Монтескье решительно высказывался против инквизиции. Он требовал свободы совести, утверждал, что уголовные преследования инаковерующих или вообще неверующих ни к чему не приводят, кроме истребления ни в чем не повинных людей. Угрозами, доказывал Монтескье при помощи ссылок на историю, никого и ни в чем нельзя убедить. В «Персидских письмах» Монтескье показывает, что в результате преследований, которым фанатичные персидские магометане подвергали огнепоклонников, последние стали массами оставлять Персию, и страна лишилась трудолюбивейших земледельцев. Религиозный фанатизм нанес, таким образом, огромный ущерб стране.

Монтескье не говорил открыто, как это делали Гольбах и Дидро, что религия является идейной опорой королевского деспотизма во Франции. Однако он глядел вперед и был глубоко убежден, что наступит время, когда его народ навсегда избавится от невежества и суеверия.

Взгляды Монтескье на общество и законы его развития

Монтескье не ограничивался критикой феодально-абсолютистских порядков, господствовавших во Франции; он попытался ответить и на целый ряд общесоциологических вопросов. Как и все домарксистские мыслители, Монтескье был идеалистом в понимании общества. Он был убежден, что в конечном счете судьба истории зависит от воли отдельных политических деятелей. Чем умнее законодатель, тем лучшие законы он издает, а хорошие законы порождают наилучший общественный поряд-

---

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 456.

док. Монтескье был уверен, что просвещенный монарх может произвести необходимую революцию «сверху» и установить идеальный общественный порядок. Таким образом, в конечном счете разум был для Монтескье, как и для ряда других просветителей, решающей движущей силой исторического процесса.

Однако при всей ограниченности Монтескье его взгляд на общество все же представлял значительный шаг вперед по сравнению со взглядами многих других ученых его эпохи.

Монтескье хотя и объявлял законы созданием разума, однако вместе с тем пришел к выводу, что законы общества, так же как и законы природы, имеют объективную основу, не зависящую от воли людей. Он начинает первую книгу своего труда «О духе законов» с определения: «Законы, в самом обширном значении этого слова, суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей...»¹. Подобно английскому материалисту XVII века Томасу Гоббсу, Монтескье утверждал, что первоначально человек жил в естественном состоянии и подчинялся законам природы. Однако в отличие от Гоббса, утверждавшего, что в первобытном состоянии все люди ведут непрерывную войну друг против друга, Монтескье рисовал естественное состояние людей как состояние дружбы и мира. «Стремление нападать друг на друга чуждо таким людям; отсюда мир является первым естественным законом человека»², — пишет Монтескье, высмеивая мысль Гоббса о том, что первобытным людям якобы свойственно желание властвовать друг над другом. Идея власти, замечает Монтескье, не может быть первой по времени идеей человека.

Вторым естественным законом человека Монтескье объявляет стремление добывать себе пищу. Это стремление с необходимостью следует из сущности человеческого организма, который не может существовать без еды, одежды и жилища. Далее Монтескье переходит к изложению «третьего естественного закона человека», основанного на взаимном влечении к сближению. И, наконец, Монтескье формулирует четвертый естественный закон человека — «желание жить в обществе»³. В результате этих четырех естественных законов люди образуют общество и начинают зависеть уже не от законов природы, а от законов общественной жизни.

Как ни наивны рассуждения Монтескье о четырех естественных законах, характерных якобы для дообщественного состояния человека, в них имеется рациональная мысль о том, что человеческое общество создано не богом и не отдельными «великими людьми», а является результатом объективных закономерностей, не зависящих от воли человека.

---

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 5.

² Там же, стр. 9.

³ Там же.

Переходя к конкретному анализу общественных закономерностей, Монтескье допускает неверное, идеалистическое отождествление юридических законов, создаваемых той или иной государственной властью, с законами общественного развития. Это приводит его к неверному выводу, будто бы в конечном счете законы истории есть сознательный продукт деятельности человеческого разума. «Закон, говоря вообще,— формулирует Монтескье свою мысль,— есть разум человеческий, насколько он управляет народами земли; а законы политические и гражданские каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума»¹.

На самом деле, как доказал марксизм-ленинизм, социологические законы, так же как и законы природы, действуют независимо от сознания и воли людей. Люди открывают эти законы, познают их и используют их в интересах общества, однако они не в состоянии ни изменять, ни отменять законы, ни создавать произвольно новые законы. Что касается юридических законов, то они действительно создаются и отменяются людьми, хотя и здесь деятельность законодателей тоже не случайна и произвольна, а зависит от тех общественных условий, в которых законодатели действуют.

Монтескье решительно протестовал против феодальных законов и предлагал заменить их буржуазными законами. Но он был искренне убежден, что существование феодальных законов вызывается произвольным желанием феодальных монархов. Поэтому он, подобно другим буржуазным просветителям своего времени, мечтал о разумном и просвещенном монархе, который сумеет выработать разумные законы, полезные для общественного развития.

Чувствуя, однако, что такой взгляд на историю и на законодательство превращает развитие общества в хаос случайных явлений, Монтескье пытался найти те объективные причины, которые оказывают решающее влияние на мысли и поступки государей, на весь ход общественной жизни. Он обращается для этого к географической среде, т. е. ищет в климатических условиях, рельефе местности, почве и т. д. причины возникновения и существования различных форм государственной власти и различного законодательства.

В специальной главе «О духе законов», озаглавленной «Насколько люди различны в различных климатах», Монтескье пытается на ряде примеров доказать, что «дух народа» является производным от природных факторов и что, следовательно, всякий разумный законодатель действует в конечном счете в соответствии с естественной средой, окружающей человека. Народы жарких климатов, сообщает Монтескье, робки, как старики, народы холодных климатов отважны, как юноши.

---

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 11.

В холодных климатах люди крепче, нравственнее, уравновешеннее. В чрезвычайно жарких странах народы отличаются чувственностью; они стремятся к необузданным наслаждениям.

Из этих рассуждений современные реакционные социологи, например, такие, как американец Хантингтон, делают расистский вывод, что народы, живущие в южных странах, неспособны-де к культурному развитию и должны подчиняться северным народам; при этом под «северными народами» буржуазные лжеученые имеют в виду американцев, точнее — американских империалистов.

В действительности Монтескье отнюдь не собирался доказывать приоритет одних народов над другими. Своими ссылками на решающую роль климата в деле формирования людей он лишь хотел, хотя и в наивной форме, доказать, что ход истории зависит не от воли бога, а от естественных причин и что поэтому не религия, а наука в состоянии понять закономерности общественной жизни. Поэтому географическую теорию Монтескье нельзя отождествлять с реакционными географическими учениями эпохи империализма.

Вместе с тем нельзя не отметить принципиальной ошибочности утверждения Монтескье о климате как решающей причине общественного развития. На самом деле климат, почва, рельеф местности, одним словом, все то, что относится к географической среде, хотя и является необходимым условием материальной жизни общества, влияющим на его жизнь, однако не может быть главной причиной развития общества. Ведь в одних и тех же климатических условиях могут существовать самые различные общественные и политические формы. Географическая среда развивается значительно медленнее, чем общественная жизнь. Мы знаем, что и при гоминдановской власти, когда Китай был фактически колонией, и в современном демократическом Китае, навсегда освобожденном от гнета империалистов, климатические условия примерно одни и те же, а вместе с тем социальный и политический строй Китайской Народной Республики в корне противоположен социальному и политическому строю гоминдановского Китая. Не изменения в климате, а победоносная народная революция превратила Китай в государство народной демократии.

Таким образом, факты наглядно показывают неправильность географической теории Монтескье. Но даже из этой по существу неправильной теории Монтескье как прогрессивный мыслитель пытался сделать передовые выводы. Он утверждал, например, что в ряде государств республиканский строй носит естественный характер и что поэтому никто не вправе сомневаться в законности республиканских порядков. Говоря о характере отдельных народов и неправильно выводя его из географических условий, он одновременно правильно подмечал существенные положительные черты этих народов. Так Мон-

теские с уважением говорил о чрезвычайном трудолюбии китайского народа. Перечисляя особенности испанцев, он отмечал, что «честность испанцев славилась во все времена»¹. «Индийский народ...— писал Монтескье,— кроток, нежен и сострадателен...»².

Если мы сравним положительные, проникнутые гуманизмом высказывания Монтескье почти о всех народах мира с наглыми выступлениями современных буржуазных социологов-расистов, которые пытаются очернить все нации, то мы увидим, насколько Монтескье как ученый неизмеримо превосходит дипломированных защитников империалистического гнета.

В особенности следует отметить выступление Монтескье против учения Аристотеля об естественном характере рабства. «Аристотель,— писал он,— хочет доказать, что есть рабы от природы, но то, что он говорит, не доказывает этого... Так как все люди рождаются равными, то следует сказать, что рабство противно природе...»³.

Иногда Монтескье идет на компромисс с реакцией. Он пытается защитить французских промышленников, пользующихся даровым трудом негров. Но даже и в этих случаях он все-таки вынужден признать, что научных аргументов в защиту рабства представить невозможно. В этих случаях Монтескье, противореча своим собственным просветительским взглядам, пытается объяснить рабство ссылками на божественный произвол.

Монтескье понимал, что разум не может примириться с истреблением и порабощением негритянского населения. Обращаясь к разуму, он всегда приходил к антирасистским выводам. «Нет такого тяжкого труда,— писал Монтескье,— который нельзя было бы привести в соответствие с силами тех, кто его выполняет, если им управляет разум человека, а не жадность его. Можно заменить машинами, изобретаемыми и применяемыми с искусством, усиленный труд, который в других местах выполняют посредством рабов. Турецкие рудники в Темешварском Банате были богаче рудников Венгрии, а производили меньше, потому что турки не знали никаких орудий производства, кроме рук рабов.

Не знаю, ум или сердце диктуют мне этот последний параграф. Нет, может быть, такого климата на земле, где труд не мог бы быть свободным. Так как законы были дурны, люди оказались ленивыми, а так как они были ленивы, их обратили в рабство»⁴.

Таким образом, ум и сердце Монтескье, при всех его колебаниях, были все же на стороне рабов, а не рабовладельцев.

---

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 303.

² Там же, стр. 239.

³ Там же, стр. 245.

⁴ Там же, стр. 245—246.

Он называл крики в пользу рабства криками роскоши и сладострастия, а не любви и общего блага¹.

Монтескье не понимал классовой структуры современного ему общества. В этом отношении ему было далеко до таких буржуазных ученых, как английские экономисты Адам Смит и Рикардо, пытавшихся вскрыть экономические основы разделения общества на классы, или до таких историков и социологов, как Тьерри, Минье и Гизо во Франции, стремившихся подойти с точки зрения классовой борьбы к французской буржуазной революции XVIII столетия. Монтескье подменял борьбу общественных классов борьбой политических принципов. Он предпочитал говорить не о разложении аристократии, а о разложении принципа аристократии, критиковал больше не деспотизм, а идею деспотизма. Однако и здесь Монтескье не мог не признать, что за борьбой «идей» и «принципов» скрывается борьба реальных общественных сил. Определяя принцип демократии в отличие от принципа аристократии, он указывал, что за демократическим принципом скрывается народ, а за принципом аристократии — небольшая кучка поработителей народа.

Таким образом, сводя, как и все идеалисты, реальные отношения, господствующие в обществе, — борьбу классов к борьбе идей, Монтескье в ряде случаев делал замечательные догадки о необходимости выведения идей из жизни. Он признавал, что за идеями скрываются отдельные сословия. Применительно к Франции это означало, что речь идет о борьбе бесправного третьего сословия против двух привилегированных сословий феодального общества.

Учение Монтескье об обществе, несмотря на все свои недостатки, подготовило почву для более глубоких научных теорий XIX века. Революционный же переворот в науке об обществе совершил марксизм, уничтоживший хаос и произвол, царившие до этого во взглядах на историю и на политику, и создавший цельную и стройную научную теорию, показывающую, как из одного уклада общественной жизни развивается благодаря росту материальных производительных сил другой, более высокий уклад. Марксизм открыл тот факт, который не могли понять даже самые прогрессивные ученые прошлого, что общественное бытие определяет общественное сознание, что в зависимости от способа производства материальных благ складывается весь общественный строй, все его учреждения.

Идеи мира и дружбы между народами в произведениях Монтескье

Монтескье жил и работал в период, когда крупные и мелкие феодалы вели непрерывные войны друг с другом, от которых в первую очередь страдали широкие народные массы. Как пра-

---

¹ См. Монтескье. О духе законов, стр. 246.

вило, от несправедливых феодальных войн терпела ущерб и буржуазия, заинтересованная в международной торговле, в иностранных рынках для сбыта своих товаров. Монтескье как передовой сын своего времени выступил решительным борцом за мир и мирное сотрудничество народов. В его трудах сделана попытка объяснить причины войн и доказать, что в феодальных войнах заинтересована лишь ничтожная кучка людей, стоящих у власти.

Монтескье нарисовал в своих «Персидских письмах» замечательную фантастическую картину жизни некоего благородного народа — троглодитов, который выше всего ценил мирный труд. Этот народ смотрел на себя как на единую семью и жил в довольстве и радости. Однако благородному племени троглодитов стали завидовать их жестокие соседи. Они решили захватить их имущество, а их самих превратить в своих рабов. Троглодиты, будучи благодущными и миролюбивыми людьми, всячески убеждали своих диких соседей отказаться от хищнических планов. Но эти призывы троглодитов были с презрением отвергнуты врагами, которые вступили с оружием на землю троглодитов и начали вести против них несправедливую войну. «Но троглодиты,— сообщает Монтескье,— были хорошо подготовлены к защите; своих жен и детей они поместили в середину. Их изумляла не численность врагов, а их несправедливость. Новый пыл охватил их сердца: один хотел умереть за своего отца, другой — за жену и детей, тот за своих братьев, иной за своих друзей,— все за народ троглодитов. Место умирающего немедленно занимал другой, кто, кроме общего дела, хотел отомстить еще и за смерть отдельного лица.

Таков был бой между несправедливостью и добродетелью. Эти низкие народы, искавшие только добычи, не устыдились обратиться в бегство и уступили добродетели троглодитов, хотя вовсе не были ею тронуты»¹.

В этой своеобразной утопии Монтескье в исключительно яркой и образной форме доказывается антиморальность войн, преследующих грабительские цели. Народ, отстаивающий свою свободу и независимость, учил великий французский просветитель, достоин высшей похвалы. Государи, ведущие несправедливые, династические войны, подобны хищным зверям, чуждым и враждебным добродетели. В конечном счете, утверждал Монтескье, победа в этой войне всегда останется за добродетелью и справедливостью.

Монтескье пытается дать в «Персидских письмах» теоретическое определение тех войн, которые вправе считаться справедливыми. «Существуют только два вида справедливых войн,— заявляет он,— одни, которые предпринимаются для того, чтобы отразить напавшего неприятеля; другие — чтобы

---

¹ Шарль Монтескье. Персидские письма, стр. 34.

помочь атакованному союзнику»¹. Было бы несправедливо, продолжает он, начинать войну из-за личных раздоров государей. Монтескье протестует против нарушения мирных договоров, объявляя их настолько священными для людей, что они являются как бы голосом природы. Всякий разумный человек, учит Монтескье, должен твердо стоять за мир.

Определяя принципы международного права, Монтескье выдвинул исключительно важную и прогрессивную мысль о том, что взаимоотношения между государствами должны основываться на стремлении различных народов жить в мире и дружбе друг с другом. «Международное право,— писал французский мыслитель,— естественно, основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны, во время мира, делать друг другу как можно более добра, а во время войны — насколько возможно менее зла, не нарушая при этом своих истинных интересов»².

Эти слова Монтескье быют не в бровь, а в глаз современным поджигателям войны, ненавидящим идею мирного сосуществования народов, выступающим против запрещения атомного и водородного оружия.

В своей главной работе «О духе законов» Монтескье неоднократно обращается к теме мира. Сравнивая жизнь государства с жизнью человека, Монтескье заявляет, что люди имеют право убивать только в случае естественной самозащиты. Нападение на других людей с тем, чтобы их убить и завладеть имуществом убитых, совершают не честные люди, а грабители и бандиты. То же самое, заявляет Монтескье, происходит и в войнах между отдельными государствами. Государство обязано защищать свой суверенитет, но оно не должно, подобно бандиту и грабителю, нарушать суверенитет других государств и заниматься грабежом чужих народов.

Обращаясь к истории, Монтескье рассматривает шведского короля Карла XII, напавшего на Россию, как авантюриста, лелеявшего бредовую идею стать повелителем мира. «Не Полтава погубила Карла,— пишет Монтескье,— он все равно погиб бы, если не в этом, так в другом месте. Случайности фортуны легко исправляются, но нельзя защитить себя от событий, постоянно порождаемых природою вещей.

Главным врагом его была не столько природа или неудача, сколько он сам.

В деятельности своей он не сообразовался с существующим положением вещей...»³.

Пусть современные претенденты на мировое господство вдумаются в эти замечательные слова французского просветителя!

¹ Шарль Монтескье. Персидские письма, стр. 200.

² Монтескье. О духе законов, стр. 10.

³ Там же, стр. 147—148.

Прошло свыше 200 лет с тех пор, как Монтескье выступал в защиту мира. В современной Франции, как и во времена Монтескье, только ничтожная кучка эксплуататоров заинтересована в разжигании войны. Широкие массы французского народа совместно с народами других стран решительно выступают за мир, против вооружения германских милитаристов, против планов установления мирового господства США. Французские патриоты с глубокой любовью и благодарностью вспоминают миролюбивые призывы своего великого соотечественника.

Имя Монтескье, как славного борца за мир, дорого всему прогрессивному человечеству.

Автор

Марк Петрович Баскин.

Редактор Ю. Е. Ковтун.

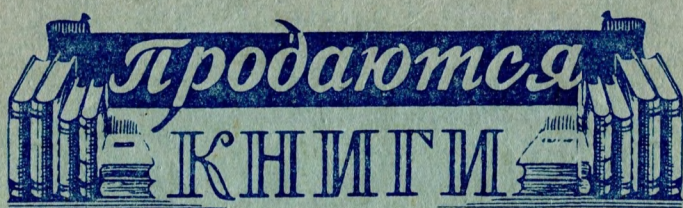
Техн. редактор П. Г. Ислентьева.

А 01436. Подписано к печ. 10/III 1955 г. Тираж 143 000 экз. Изд. № 9
Бумага 60 × 92¹/₁₆ — 0,75 бум. л. = 1,5 печ. л. Уч.-изд. 1,44 л. Заказ № 102

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

Продаются КНИГИ

ПО ГЕОГРАФИИ:

БЕЙКЕР Д.— История географических открытий и исследований. Перевод с английского. Изд-во иностранной литературы. 1950 г. 648 стр. Ц. 28 р. 05 к.

БЕРНАР ОГЮСТЕН.— Северная и Западная Африка. Изд-во иностранной литературы. 1949 г. 536 стр. Ц. 39 р. 10 к.

БИГЕЛОУ Г. и ЭДМОНДСОН В.— Морские ветровые волны и прибой. Изд-во иностранной литературы. 1951 г. 212 стр. Ц. 9 р. 10 к.

БОНДАРЧУК В.— Основы геоморфологии. Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для университетов и педагогических институтов. Учпедгиз. 1949 г. 320 стр. Ц. 9 р.

БУРКАР Ж.— Рельеф океанов и морей. Сокращенный перевод с французского Е. В. Александровой и В. В. Лонгинова. Изд-во иностранной литературы. 1953 г. 340 стр. Ц. 17 р. 45 к.

СУСЛОВ С., проф.— Физическая география СССР. Азиатская часть. 2-е изд. переработанное и дополненное. Учпедгиз. 1954 г. 712 стр. Ц. 27 р. 10 к.

Русские географы и путешественники. Альбом. Под ред. акад. Л. С. Берга. «Искусство», 1949 г. 46 отдельных л. Ц. 22 р. 50 к.

ТОМСОН Д.— История древней географии. Перевод с английского Н. И. Скаткина. Под ред. А. Б. Дитмара и Д. Г. Редера. Изд-во иностранной литературы. 1953 г. 592 стр. Ц. 29 руб.

Перечисленные книги можно приобрести в магазинах книготоргов. При отсутствии книг в местных магазинах направляйте заказ через «Книга — почтой» по адресу: Москва, Ж-125, Остоповское шоссе, поселок Текстильщики, корпус № 8, магазин № 89 Москниготорга.

ГЛАВКНИГОТОРГ